

На правах рукописи

Бовыкин Дмитрий Юрьевич

**ЛЮДОВИК XVIII И ФРАНЦУЗСКИЕ РОЯЛИСТЫ
ПРИ ТЕРМИДОРЕ И ДИРЕКТОРИИ (1794-1799)**

Раздел 07.00.00 – исторические науки

Специальность 07.00.03 – всеобщая история (новое и новейшее время)

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 2017

Работа выполнена на кафедре новой и новейшей истории Исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Официальные оппоненты:

Гладышев Андрей Владимирович
доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории
Института истории и международных отношений ФГБОУ ВО
«Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»

Гордон Александр Владимирович
доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-
Восточной Азии, ФГБУН Институт научной информации по
общественным наукам РАН

Таньшина Наталия Петровна
доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории
Школы актуальных гуманитарных исследований Института
общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

Ведущая организация:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика
И.Г. Петровского»

Защита диссертации состоится «_____» _____ 2017 г. в _____ на
заседании Диссертационного совета Д501.002.12 на базе Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992,
Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический
факультет МГУ, ауд. А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(Москва, Ломоносовский просп., д. 27), а также на сайте по адресу:
<http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Vovykin.htm>.

Автореферат разослан «_____» _____ 2017 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость темы. Изучение Французской революции XVIII века было и остаётся чрезвычайно востребованным сюжетом в мировой историографии. Ежегодно ей посвящаются десятки книг и статей, выпускается специальный журнал «Исторические анналы Французской революции», в 1937 г. была организована отдельная кафедра в рамках Сорбонны (ныне Университет Париж I). Французская революция всегда воспринималась не только как величайшее событие XVIII века, создавшее современную политическую культуру, но и как явление, под знаком которого прошли в Европе и последующие века.

В каждую эпоху исследователи находят в Революции то, что видится им наиболее актуальным. Так, в настоящее время после «бархатных» и «цветных» революций, «арабской весны», «левого поворота» в Латинской Америке стало популярно исследование массовых протестных движений в эпоху Французской революции, проблем распространения и рецепции традиционными обществами новых либеральных ценностей, их сопротивления навязываемому извне миропорядку. Тем самым активизируется интерес и к изучению контрреволюции, проводятся параллели между борьбой с революционными ценностями внутри Франции и в тех странах, куда они были привнесены в ходе Наполеоновских войн.

В целом, не вызывает сомнений, что изучение Революции невозможно в отрыве от изучения контрреволюции, а понимание политической жизни Франции времён Первой республики (1792-1804) – без понимания действий тех сил, которые стремились возродить монархию. Однако существующие исследования по истории контрреволюции не только весьма немногочисленны, но и распределяются чрезвычайно неравномерно, практически не затрагивая годы Термидора и Директории. Тем не менее, именно это время чрезвычайно важно для понимания не только революционного, но и контрреволюционного движения. Это неотъемлемые и

принципиальные этапы в истории Революции – время подведения итогов и переосмысления ценностей, отказа от просветительских иллюзий и перехода к практической политике. Это время поисков компромисса, который мог бы объединить расколотую Францию, даровать ей мир, покой, порядок, стабильность, положить конец её войне со всей Европой.

К миру и компромиссу, хотя и видели его во многом по-разному, стремились как сторонники, так и противники Революции. Изменение политического климата во Франции после падения диктатуры монтаньяров, усталость населения от революционных пертурбаций, рост ностальгии по дореволюционным временам, страх перед возвращением ТERRORA – всё это играло на руку монархистам, создавало для них новые возможности и сулило близкую реставрацию королевской власти.

Учитывая, что контрреволюция представляет собой сложный, многофакторный, но, главное, чрезвычайно разнородный феномен, не имеющий к тому же чётких очертаний, данное исследование сцентрировано на важнейшей его части, его идейном и политическом стержне – роялизме, который воспринимался сторонниками Французской республики как её главный враг.

Республиканское и роялистское движения в годы Термидора и Директории были в высшей степени взаимозависимы, одно невозможно понять и проанализировать без другого. Успехи республиканцев затрудняли реставрацию монархии и, наоборот, их неудачи вселяли в роялистов новые надежды. Каждая из сторон стремилась завоевать себе приверженцев, предлагая своё видение будущего Франции, свою социальную и политическую программу.

Неразрывная связь и взаимозависимость Революции и контрреволюции обуславливают актуальность и научную значимость изучения теории и практики французского роялизма при Термидоре и Директории для понимания динамики развития Французской революции в этот до сих пор наименее исследованный период её истории.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования является Французская революция на её завершающем этапе. Предметом исследования является теория и практика французского роялизма при Термидоре и Директории.

Термин «роялизм», широко употреблявшийся в годы Революции, требует, тем не менее, некоторых пояснений. В ситуации, когда законный (с точки зрения фундаментальных законов французской монархии) претендент на престол был очевиден, современники не испытывали потребности в лингвистическом выделении именно роялистской группировки. Напротив, выделяли либо тех, кто выступал в поддержку других претендентов («орлеанисты»), либо участников неких событий («фрюктидорианцы»), либо сторонников конституционной монархии («конституционалисты»).

Словом же «роялисты» обозначали как всех выступавших за королевскую власть, так и тех, кто поддерживал законного государя. В данном исследовании оно будет использоваться во втором значении, поскольку любой другой выбор видится ещё менее удачным. Распространенный во французской историографии термин «абсолютисты» возник только в 20-е годы XIX в. и несёт на себе дополнительную идеологическую нагрузку, другой термин – «легитимисты», обозначающий сторонников старшей ветви Бурбонов, появился ещё позднее и был бы здесь явным анахронизмом.

При всех идейных разногласиях между различными сторонниками возвращения монархии большинство из них признавало главенство (пусть порой и формальное) Людовика XVIII. Даже те из них, кто не разделял полностью его взгляды, неизменно пытались вступить в контакт с ним самим и его окружением, обращались к ним с просьбами, присылали письма и политические проекты, предлагали свою помощь. Кандидатуры других французских и иностранных принцев оставались маргинальными и пользовались весьма ограниченной популярностью. Напротив, Людовик XVIII воспринимался как король, занявший престол в соответствии с фундаментальными законами французской монархии, и это обеспечивало ему

поддержку даже со стороны тех, кто не одобрял выбранный им политический курс, не говоря уже о десятках тысяч французов, выступавших за королевскую власть как таковую и бывших явными или латентными роялистами. Это позволяет поместить фигуру Людовика XVIII в центр диссертационного исследования: его проекты и планы, окружение и интриги, борьбу за признание королём Франции и разработку законов для обновлённой французской монархии.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы всесторонне изучить эволюцию политических взглядов, проекты, планы и деятельность роялистов при Термидоре и Директории в тесной связи с событиями, происходившими в то время как во Франции, так и за её пределами, а также с эволюцией стратегии и тактики республиканцев.

Для осуществления данной цели были поставлены следующие исследовательские задачи:

- проследить различные этапы формирования политических взглядов графа Прованского до и после восхождения на французский престол, выявить используемые им методы и формы репрезентации, а также тот образ принца, который сложился в его ближайшем окружении и общественном мнении Франции накануне и в ходе Французской революции;
- проанализировать рост промонархических настроений во французском обществе после свержения диктатуры монтаньяров и его причины;
- выявить политические силы, выступавшие за реставрацию монархии при Термидоре и Директории;
- изучить взаимоотношения роялистов и конституционных монархистов, сходство и различия в их воззрениях и политических программах, процесс постепенного сближения между ними;
- проанализировать различные этапы разработки программы роялистского движения и её трансформации;

- рассмотреть, как происходило формирование ближайшего окружения Людовика XVIII, его двора и королевского совета;
- проанализировать взаимоотношения Людовика XVIII и государей ведущих европейских держав, объём, причины и динамику той поддержки, которую оказывали роялистам страны антифранцузской коалиции;
- оценить влияние внутренних (воцарение Людовика XVIII, успехи и поражения армии принца Конде, характер и воззрения лидеров) и внешних (принятие Конституции III года Республики, установление режима Директории, переворот 18 фрюктидора, распад Первой антифранцузской коалиции) факторов на идеологию, стратегию и тактику роялистского движения в 1794-1799 гг.;
- выявить причины, не позволившие роялистскому движению в этот период добиться успеха.

Хронологические рамки исследования – 1794 – 1799 гг., время правления термидорианского Конвента и Директории.

Рассмотрение роялистского движения в республиканской системе координат обусловлено тем, что, хотя на контрреволюционные силы и влияло множество внутренних факторов, они, тем не менее, вели борьбу за Францию и, как правило, оказывались вынуждены подстраиваться в этой борьбе под те перемены в политике Республики, которые от них ни в коей мере не зависели, но каждый раз создавали для роялистского движения принципиально новую атмосферу. И хотя формально 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 г.) мало что изменило, лето этого года стало весьма важным водоразделом в политике сторонников монархии. С одной стороны, победы, которые революционные армии одержали к концу июля, лишали роялистов шансов сделать ставку исключительно на вооруженную силу и вынуждали искать другие пути реставрации королевской власти. С другой, – переворот поставил вопрос об отказе от чрезвычайного режима, что заставило роялистов перегруппировать силы и попытаться добиться смены формы правления мирным путём во время или после принятия новой конституции. Отдельные

выходы за нижнюю хронологическую границу работы обусловлены необходимостью осветить историю становления лидеров роялистского движения как политических деятелей и процесс формирования их взглядов.

Не менее значимой датой видится и 1799 г. Безусловно, сам по себе приход к власти Н. Бонапарта в результате переворота 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 г.) оказывается роковым для судеб монархии исключительно в перспективе. Другое дело, что к 1799 г. самым реальным шансом для возвращения короля было использование внутренней слабости режима Директории. Роялисты понимали это и неоднократно пытались организовать военный переворот, рассматривая в качестве «шпаги», в том числе, и генерала Бонапарта. После 18 брюмера они всё ещё питали надежды, что генерал сыграет роль Монка, и время оказалось ими безвозвратно упущено. Власть Первого консула укрепилась, и Людовику XVIII пришлось искать иные альтернативы в совершенно новых условиях.

Источниковая база исследования. Источники по истории роялистского движения во Франции и за её пределами обширны, чрезвычайно разнообразны и обладают своей спецификой. Их можно условно разделить на несколько групп.

К первой из них относятся документы, рассеянные по различным европейским архивам; немалая их часть не была до сих пор введена в научный оборот. Наиболее компактной и богатой коллекцией материалов является так называемый «Фонд Бурбонов», сохранившийся в Архиве Министерства иностранных дел Франции. В него после Реставрации были объединены документы из личного секретариата Людовика XVIII и его канцелярии, скопившиеся за годы изгнания, к которым были добавлены донесения наиболее значимых его агентов и представителей. В данной диссертации использовались те тома фонда, в которых сохранились документы, относящиеся к 1794-1799 гг.

Другой комплекс архивных материалов, использованных в диссертации, сохранился в Национальном архиве Франции. Отдельные документы

привлекались из фондов, сформированных республиканскими властями того времени¹, однако, по большей части, использовались фонды частных архивов (*Archives privées*), в которых хранятся бумаги видных роялистов того времени: фаворита Людовика XVIII графа д'Аварэ (589 AP), дипломата и офицера армии Конде герцога де Серана (161 AP), государственного секретаря Людовика XVIII в Митаве маркиза де Бонней (37 AP), друга и первого камер-юнкера графа Прованского графа де Ла Шатра (197 AP), доверенного лица Людовика XVIII герцога де Ла Фара (198 AP), высокопоставленного королевского офисье времён Старого порядка барона д'Эна (291 AP), члена королевского Совета маршала де Кастри (306 AP), осведомителя и советника Людовика XVIII графа д'Антрэга (419 AP), агента короля аббата д'Андре (444 AP), доверенного лица графа д'Артуа д'Артеза (477 AP).

Из французских архивных фондов также использовался архив, находящийся в принадлежавшем принцам Конде замке Шатийи. Его коллекция писем насчитывает около 80 000 единиц хранения, в серии Z собраны послания, которыми принц Конде обменивался с Людовиком XVIII.

Документы по истории французского роялизма хранятся и в Архиве внешней политики Российской империи, в фондах Коллегии иностранных дел. На протяжении всей Революции Россия была страной, наиболее последовательно поддерживавшей монархическое движение во Франции, её дипломаты в Испании, Англии, Генуе, Тоскане, Венеции, Сардинии, Пруссии, Баварии, монархии Габсбургов внимательно наблюдали за тем, что происходило во Франции, и прилагали немало усилий для того, чтобы добиться признания Людовика XVIII законным королём Франции.

В диссертации также был использован фонд посланника английского правительства при дворе Людовика XVIII лорда Дж. Макартни в Архиве Северной Ирландии (PRONI) в Дублине (D572/17). Том, относящийся ко времени путешествия этого дипломата в Верону, составляет около 300 писем.

---

¹ AF III 463: Archives du Directoire exécutif, B II 61 : Constitution de l'an III, C 227 – 229, C 231 : Convention Nationale. Commission des Onze, 557 W: Conseils militaires du 15 vendémiaire an IV.

Кроме того, мне удалось ознакомиться с документами из четырёх фондов Национального архива Англии, один из которых (FO 27/45 Foreign Office) содержит переписку лорда Макартни с лордом Гренвилем, а также полученные от того инструкции.

Вторую группу источников составляют пресса, памфлеты и публикации документов, относящиеся как к роялистскому, так и к республиканскому лагерю, в том числе выступления депутатов законодательных органов власти (Конвента, Совета старейшин и Совета пятисот). Также для исследования была привлечена пресса различной политической направленности, в том числе и роялистские издания, выходившие как во Франции, так и за её пределами.

Отдельно следует остановиться на публикациях различных документов того времени. Здесь, в первую очередь, следует отметить тексты, вышедшие из-под пера Людовика XVIII: мемуар «Об обязанностях короля»², «Размышления короля для оправдания памяти королевы»³, не предназначавшиеся для печати заметки по прочтении двух книг о Революции⁴ и два рассказа Людовика XVIII о его вынужденных путешествиях во время Французской революции в 1792⁵ и 1796⁶ гг.

Среди других опубликованных документов – королевские декларации, роялистские и республиканские памфлеты, захваченные правительством бумаги роялистских агентов и военачальников, переписка различных государственных деятелей, коронованных особ, политиков и дипломатов. В частности, это письма Людовика XVIII, адресованные графу д'Артуа, члену королевского Совета графу де Сен-При, маркизу де Фавра, принцу Конде⁷.

---

² [Louis XVIII]. Les devoirs d'un roi // Feuilles d'histoire. 1909. Vol. 2. P. 221-234.

³ [Louis XVIII]. Réflexions historiques sur Marie-Antoinette // Revue des deux mondes. Vol. XXII. Juillet-août 1904. P. 241-263.

⁴ [Louis XVIII]. Notes de lecture // Le Correspondant. 10.01.1910. № CCXXXVIII. P. 24-47.

⁵ Louis XVIII. Relation d'un voyage à Bruxelles et à Coblenz (1791). P., 1823.

⁶ Daudet E. Un voyage de Vérone à Riegel en 1796. Récit autographe de Louis XVIII // Feuilles d'histoire du XVIIe au XXe siècle. 1e tome. Janvier-Juin 1909. P. 373-383.

⁷ Correspondance de Louis XVIII avec le duc de Fitz-James, le marquis et la marquise de Favras et le comte d'Artois. P., 1815 ; Correspondances et écrits politiques de S.M. Louis XVIII, Roi de France et de Navarre. P., 1824 ; Lettre de Louis XVIII à ses ambassadeurs. [Mittau, ce 11 novembre 1798.]; Lettre du roi Louis XVIII à S. A. S. M. le duc de Bourbon [24 juin 1795]. [Suivi de lettres au duc d'Enghien (24 juin) et à l'archevêque de Paris (juin) et d'une lettre du comte d'Artois (4 mai).]; Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Priest. P., 1845 ; Louis XVIII. Lettre du Roi à S.A.S. M. le prince de Condé. À Vérone, le 24 juin 1795. S.l., s.d. B.N. 8-LB41-1899.

Особый интерес представляет переписка Людовика XVI и Марии-Антуанетты⁸, графа д'Артуа⁹, австрийского посла в Париже и наставника Марии-Антуанетты графа Мерси д'Аржанто¹⁰ и принца Конде¹¹.

Третью группу источников составляют мемуары современников Французской революции. Часть из них составляют воспоминания, созданные депутатами законодательных органов или видными республиканцами времён Термидора и Директории: бессменным Директором П. Баррасом, директорами Л. Ларевельером-Лепо¹² и Л.-Ж. Гойе¹³, депутатами-роялистами Ф. Барбе-Марбуа¹⁴, И.-Э. де Ла Рю¹⁵ и М. Дюма¹⁶, депутатом Конвента и Совета пятисот Л.Г. Дульсе де Понтекуланом¹⁷, близкими к монтаньярам Б. Барером¹⁸ и М.-А. Бодо¹⁹, влиятельным депутатом Ж.Ж.Р. Камбасересом²⁰, монтаньярами Р. Левассёром²¹ и А.-К. Тибодо²².

Другую часть составляют мемуары деятелей роялистского движения, среди которых тайно посещавший Францию граф д'Алонвиль²³, советники

---

⁸ Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Élisabeth, lettres et documents inédits / publ. par F. Feuillet de Conches. P., 1864-73. Vol. 1-6; Marie-Antoinette. Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le c^{te} de Mercy-Argenteau : avec les lettres de Marie-Thérèse et de Marie-Antoinette / publiée avec une introduction et des notes par M. le chevalier Alfred d'Arneth,... et M. A. Geffroy. P., 1874. Vol. 1-2. 2ème éd.

⁹ Correspondance intime du Comte de Vaudreuil et du Comte d'Artois pendant l'émigration (1789-1815). Publiée avec introduction, notes et appendices par M. Léonce Pingaud. P., 1889. 2 vol ; Lettre de Monsieur le Comte Joseph de Puisaye Lieutenant-Général des Armées du Roi, Commandant en Chef, pour sa Majesté, dans sa Province de Bretagne et pays ajacens à Son Altesse Royale, Monsieur, frère du Roi, lieutenant-général du Royaume. 30 Août, 1796. Imp. De l'Imprimerie royale. L'an II du règne de Louis XVIII.

¹⁰ Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le c^{te} de Mercy-Argenteau : avec les lettres de Marie-Thérèse et de Marie-Antoinette. P., 1874. 3 vol. ; Correspondance secrète du Comte de Mercy-Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le Prince de Kaunitz / publiée par M. le chevalier Alfred d'Arneth,... et M. Jules Flammermont. P., 1889-1891. Vol. 1-2.

¹¹ *Crétineau-Joly J.* Histoire des trois derniers princes de la maison de Condé : prince de Condé, duc de Bourbon, duc d'Enghien : d'après les correspondances originales et inédites de ces princes. P., 1867. Vol. 1.

¹² *Larevellière-Lépeaux L.* Mémoires de Larevellière-Lépeaux, membre du Directoire exécutif de la République française et de l'Institut national publiés par son fils. P., 1895. 3 vol.

¹³ *Gohier L.-J.* Mémoires de Louis-Jerome Gohier, président du Directoire, au 18 brumaire. P., 1824. Vol. II.

¹⁴ *Barbé-Marbois F.* Journal d'un déporté non jugé ou déportation en violation des lois décrétée le 18 fructidor an V (4 septembre 1797). P., 1835. 2 vol.

¹⁵ *La Rue I.-E. de.* Histoire du dix-huit fructidor. La déportation des députés à la Guyane, leur évasion et leur retour en France. P., 1895.

¹⁶ *Dumas M.* Souvenirs du général comte Mathieu Dumas, de 1770 à 1836, publiés par son fils. P., 1839. T. 3.

¹⁷ *Pontecoulant, G. Le Doulcet, comte de.* Souvenirs historiques et parlementaires du comte de Pontécoulant, ancien pair de France : extraits de ses papiers et de sa correspondance, 1764-1848. P., 1861. Vol. 1-2.

¹⁸ *Barère B.* Mémoires de B. Barère. P., 1843. Vol. III.

¹⁹ *Baudot M.-A.* Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants. Genève, 1974.

²⁰ *Cambacérès J.-J.-R.* Mémoires inédits. P., 1999. Vol. 1.

²¹ *Levasseur R.* Mémoires de R. Levasseur (de la Sarthe) ex-conventionnel. P., 1989.

²² *Thibaudeau A.-C.* Mémoires sur la Convention et le Directoire. P., 1824. Vol. 1. Convention. Vol. 2. Le Directoire.

²³ *Allonville A.F.* Mémoires secrets de 1770 à 1830 par M. le comte d'Allonville. Vol. 3. P., 1841.

графа Прованского граф де Ферран²⁴, маркиз де Клермон-Гальранд²⁵ и граф де Сен-При²⁶, адъютант графа Прованского граф де Контад²⁷, посланник графа Прованского при российском дворе граф Эстерхази²⁸, роялистские агенты Л. Фош-Борель²⁹ и граф де Монгайяр³⁰.

Степень изученности проблемы. Хотя число обобщающих работ по истории Французской революции исчисляется сотнями, историю контрреволюции ещё только предстоит написать; ни одну из сделанных до сих пор попыток нельзя в полной мере назвать удачной.

Одним из первых сочинений, где контрреволюции уделено достаточно много внимания, стал многотомный труд Л. Блана³¹. Находясь в эмиграции в Англии, Блан смог в полной мере использовать богатые английские архивы, став первооткрывателем многих важнейших документов. Несколько позже вышла монография члена Французской академии П. Тюрю-Данжена «Роялисты и республиканцы»³². Она состоит из трёх частей, но Французской революции посвящена лишь первая, в которой автор рассматривает Термидор и Директорию как борьбу между республикой и монархией, что было особенно актуально в годы, последовавшие за падением Второй империи. Самостоятельность этого труда весьма относительна; автор опирается на работы своих предшественников и ряд опубликованных источников.

Книга Тюрю-Данжена ознаменовала начало республиканской историографии контрреволюции и, в то же время, заложила традицию рассмотрения революционной эпохи в определённом ракурсе. С тех пор

---

²⁴ *Ferrand A.-F.-C., comte de.* Mémoires du comte Ferrand, ministre d'État sous Louis XVIII, publiés pour la Société d'histoire contemporaine par le vicomte de Broc. P., 1897.

²⁵ *Clermont-Gallerande Ch.-G., marquis de.* Mémoires particuliers pour servir à l'histoire de la Révolution qui s'est opérée en France en 1789. P., 1826. 3 vol.

²⁶ *Saint-Priest, comte de.* Mémoires. La Révolution et l'émigration. Publiés par le Baron de Barante. P., 1929.

²⁷ Souvenirs du comte de Contades, pair de France : Coblenz et Quiberon / publiés par le Cte Gérard de Contades. P., 1885.

²⁸ *Esterhazy V.* Mémoires du comte Valentin Esterhazy avec l'introduction et des notes par Ernest Daudet. 2ème éd. P., 1905.

²⁹ *Fauche-Borel L. de.* Mémoires de Fauche-Borel. P., 1829. 2 vol.

³⁰ *Montgaillard M.-J. de.* Mémoires secrets. P., an XII ; Souvenirs du Comte de Montgaillard, agent de la diplomatie secrète pendant la Révolution, l'Empire et la Restauration, d'après des documents inédits extraits des archives du ministère de l'intérieur par Clément de Lacroix. P., 1895.

³¹ *Blanc L.* Histoire de la Révolution française. P. 1847-1862. 12 vol.

³² *Thureau-Dangin P.* Royalistes & Républicains. P., 1874.

немало авторов называли свои книги сходным образом, делая заявку на параллельное рассмотрение движения «за» и «против» Революции, однако, как и у Тюрго-Данжена, обычно это приводило к повторению общеизвестных фактов и выдвигению слабо подкреплённых фактами гипотез³³.

По иному принципу построена книга Годшо «Контрреволюция. Теория и деятельность. 1789-1804»³⁴, выстроенная в соответствии с подзаголовком. Её несомненным достоинством является рассказ о сопротивлении Революции за пределами Франции: в Италии, Швейцарии, Бельгии, Нидерландах и германских землях. Тем не менее, при относительно небольшом объёме монографии, более трети которой посвящены к тому же работам теоретиков контрреволюции, проблемы французского роялизма освещены в ней очень сжато и практически без подробностей.

В последнее десятилетие XX в. изучением контрреволюционных движений активно занимался бывший директор Института Французской революции Ж.-К. Мартен, автор большого числа трудов по истории Вандейского восстания. Его перу принадлежит и несколько обобщающих работ, в частности «Революция и контрреволюция во Франции, 1789-1989: механизмы истории»³⁵ и «Контрреволюция, Революция и Нация во Франции, 1789-1799»³⁶. Первая из них – это сборник статей, объединённых общим сюжетом. Книга с сильным историографическим уклоном, проблемы революционного и контрреволюционного движения показываются в ней в широкой исторической перспективе. Во второй монографии вопросы контрреволюции рассматриваются через призму конституирования французской нации, делается акцент на том, как обе стороны старались исключить из нации (и в принципе из политического поля) своих противников. Мартен уверен, что одна из главных проблем контрреволюционного движения – непримиримость его сторонников и разногласия между ними.

---

³³ См., например: *Sutherland D.M.G.* France 1789-1815. Revolution and Counterrevolution. L., 1985.

³⁴ *Godechot J.* La contre-révolution. Doctrine et action. 1789-1804. P., 1961 (reéd. 1984, 2000).

³⁵ *Martin J.-Cl.* Révolution et contre-révolution en France, 1789-1989 : les rouages de l'histoire. Rennes, 1996.

³⁶ *Martin J.-Cl.* Contre-Révolution, Révolution et Nation en France, 1789-1799. P., 1998.

Попытка суммировать исследования по истории контрреволюции была также сделана в вышедшем в 2001 г. под редакцией Мартена сборнике статей «Контрреволюция в Европе. XVIII-XIX вв. Политические и социальные реалии, культурный и идеологический резонанс»³⁷, выпущенном по результатам коллоквиума, состоявшегося в Шоле осенью 1999 г., а также в «Словаре контрреволюции»³⁸.

Если же охарактеризовать историографический пейзаж за пределами этих обобщающих работ, то можно с уверенностью сказать, что большинство французских историков не любит писать о сопротивлении Республике. На сегодняшний день во Франции так и не сложилось научной школы изучения контрреволюции, посвящённые ей работы периферийны, а то и откровенно маргинальны. Их авторами зачастую становятся не имеющие исторического образования монархисты и журналисты; значительное количество книг имеет развлекательный или научно-популярный характер³⁹.

Едва ли не самые интересные и фундаментальные труды по истории французского роялизма были созданы при Третьей республике, когда политический режим ещё не устоялся, а проблемы антиреспубликанских движений были как никогда актуальны. Большой вклад в изучение роялизма в годы Французской революции внёс тогда Э. Доде, старший брат писателя А. Доде. Литератор, журналист и историк, лауреат многих академических премий, он стал автором нескольких десятков исторических сочинений, среди которых трёхтомная «История эмиграции во время Французской революции»⁴⁰, «Бурбоны и Россия во время Французской революции (по неизданным документам)»⁴¹, «Заговор Пишегрю. По неизданным

---

³⁷ La Contre-Révolution en Europe. XVIII-XIXe siècles. Réalités politiques et sociales, résonances culturelles et idéologiques / Sous la dir. de J.-Cl. Martin. Rennes, 2001.

³⁸ Dictionnaire de la Contre-Révolution / Sous la dir. de J.-Cl. Martin. P., 2011.

³⁹ Среди прочих см., например: *Louigot A.* Le Sphinx de Potsdam. P., 1974 ; *Idem.* Baudot et St-Just ou le Secret de la force des choses. P., 1976 ; *Delorme Ph.* Les Princes du malheur. Le destin tragique des enfants de Louis XVI et Marie-Antoinette. P., 2008 ; *Bachelet J.-L.* Sang Royal. La vérité sur la plus grande énigme de l'Histoire de France. P., 2015.

⁴⁰ *Daudet E.* Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. P., 1904-1907. 3 vol.

⁴¹ *Daudet E.* Histoire de l'émigration. Les Bourbons et la Russie pendant la Révolution française (d'après des documents inédits). P., 1886.

документам»⁴² и многие другие. В эти же годы о заговоре генерала Ж.-Ш. Пишегрю выходит монография Ж. Кодрийе⁴³, он же издаёт документы, связанные с роялистским подпольем в Бордо⁴⁴. Ф. Декост публикует книгу, посвящённую Малле дю Пану⁴⁵, А. Шаламель – контрреволюционным клубам⁴⁶, А. Лебон – связям между эмигрантами и Великобританией⁴⁷, А. Форнерон делает попытку создать глобальную историю эмиграции⁴⁸. Ни до, ни после контрреволюционное движение не изучалось во Франции столь эффективно и столь интенсивно. За прошедшие годы эти книги не утратили своего научного значения, без ссылок на них не обходится ни один автор, занимающийся тем же кругом проблем, тем более, что многие из введённых тогда в оборот документов были в дальнейшем утрачены.

Впоследствии наиболее плодотворным было изучение французскими учёными контрреволюции в отдельных регионах страны: в Вандее, в Бретани, в Лионе, на юге Франции⁴⁹. Продолжались и исследования по истории эмиграции. Особенно интересным здесь представляется труд американского историка Д. Грира, попытавшегося, как и в других своих работах, собрать и проанализировать общую статистику процесса⁵⁰. С тех пор книги об эмигрантах выходили регулярно, хотя довольно редко это было связано с введением в оборот новых источников или появлением новых концепций. Значительно чаще авторы знакомили читателя с этим сюжетом так, словно до них его никто не освещал⁵¹.

---

⁴² *Daudet E.* La conjuration de Pichegru. D'après des documents inédits. P., 1901.

⁴³ *Caudrillier G.* La trahison de Pichegru et les intrigues royalistes du Midi et de l'Est. 1795-1797. P., 1908.

⁴⁴ *Caudrillier G.* L'Association royaliste de l'Institut philanthropique à Bordeaux, et la conspiration anglaise en France pendant la 2e coalition. P., 1908.

⁴⁵ *Descostes F.* La révolution française vue de l'étranger 1789-1799 : Mallet du Pan à Berne et à Londres, d'après une correspondance inédite. Tours, 1897.

⁴⁶ *Challamel A.* Les clubs contre-révolutionnaires : cercles, comités, sociétés, salons, réunions, cafés, restaurants et librairies. P., 1895.

⁴⁷ *Lebon A.* L'Angleterre et l'émigration française de 1794 à 1801. P., 1882.

⁴⁸ *Forneron H.* Histoire générale des émigrés pendant la Révolution française. P., 1884-1890. 3 vols.

⁴⁹ См., например: *Secher R.* La Vendée-Vengé. P., 2006 (rééd.); *Martin J.-Cl.* La Guerre de Vendée, 1793-1800. P., 2014; *Gérard A.* Vendée, les archives de l'extermination. CVRH, 2013; *Dupuy R.* La Bretagne sous la Révolution et l'Empire, 1789-1815. Rennes, 2004; *Herriot É.* Lyon n'est plus. P., 1937-1940. 4 vol.; *Lacouture J.* Le mouvement royaliste dans le sud-ouest. 1797-1800. Hosségor, 1932.

⁵⁰ *Greer D.* The Incidence of the Emigration during the French Revolution. Cambridge (Mass.), 1951.

⁵¹ См., например: *Vidalenc J.* Les émigrés français. 1789-1825. Caen, 1963; *Diesbach G. de.* Histoire de l'émigration. 1789-1814. P., 1975 (rééd. 1984, 1998, 2007).

Исследования по идеологии контрреволюционного лагеря весьма немногочисленны: одной из немногих убедительных попыток синтеза до сих пор остаётся книга Ф. Бальденспергера⁵², написанная столетие назад. Её в известной степени дополняет и развивает более лаконичный труд П.Х. Бейка⁵³. Основную сложность у большинства авторов вызывает именно попытка охватить взглядом и свести к единому знаменателю то разнообразие идей и взглядов, которое существовало в контрреволюционном движении на разных его этапах. Не случайно, хотя первая часть книги Годшо и носит название «Теория», описания именно теории у автора не получилось: рассказ распадается на калейдоскоп портретов различных писателей, журналистов, политиков, совершенно несхожих и по взглядам, и по степени влияния на современников, и по тому вниманию, которое уделяет им автор.

Научных биографий деятелей контрреволюционного лагеря также весьма немного. Из удачных работ можно назвать книгу А. Доайона о роялистском агенте П.Ж. Лемэтре⁵⁴, А. Дюгона о доверенном лице Людовика XVIII графе де Марешале-Везэ⁵⁵, Р. Ланжерона о депутате-роялисте П.П. Руайе-Колларе⁵⁶, Ф. Вателя о видном роялисте И. де Невиле⁵⁷.

Члены династии Бурбонов привлекали значительно большее внимание авторов, хотя преимущественно и не историков. Литература о Людовике XVI и Марии-Антуанетте необъятна и сама по себе могла бы стать темой диссертации, однако к сюжету настоящей работы имеет лишь опосредованное отношение. Столь же обширна и библиография, посвящённая Людовику XVII, но авторов этих книг волнует исключительно вопрос о том, удалось ли мальчику остаться в живых, и если удалось, то что с ним впоследствии стало⁵⁸.

---

⁵² *Baldensperger F.* Le mouvement des idées dans l'émigration française, 1789-1815. P., 1924. 2 vol.

⁵³ *Beik P.H.* The French Revolution Seen from the Right. Philadelphia, 1956.

⁵⁴ *Doyon A.* Un agent royaliste pendant la Révolution, Pierre-Jacques Le Maître (1790-1795). P., 1969.

⁵⁵ *Dugon H., marquis.* Au service du Roi en exil. Épisodes de la Contre-Révolution d'après le journal et la correspondance du président de Vezet (1791-1804). P., 1968.

⁵⁶ *Langeron R.* Un conseiller secret de Louis XVIII : Royer-Collard. P., 1956.

⁵⁷ *Watel F.* Jean-Guilhaume Hyde de Neuville (1776-1857). Conspirateur et diplomate. P., 1997.

⁵⁸ Из наиболее значимых работ см., например: *Roche X. de.* Louis XVII. P., 1986; *Romain J.-P.* Louis XVII. Roi de Thermidor. P., 1995 ; *Wartelle M.* Louis XVII ou Secret du roi. Québec, 2007.

Граф д'Артуа удостоился только научно-популярных работ⁵⁹, а в самом полном его жизнеописании годам Революции отведено меньше главы⁶⁰.

Биографии Людовика XVIII также имеют, как правило, научно-популярный характер. Из них выделяются две: основанная на архивных документах (в том числе неопубликованных) небольшая, хотя удачная и ёмкая книга Ж. Люка-Дебретона⁶¹ и часто переиздающаяся работа Э. Левер⁶². Последняя более пристрастна: Левер явно стремится быть объективной, но очевидно, что главный герой ей неприятен, она то и дело отмечает его неискренность и жажду власти. Жизнь ещё одного члена королевской семьи, Мадам Руаяль, анализируется в появившейся в 2012 г. крайне интересной научной биографии⁶³, венчающей многолетние исследования Э. Беке.

Со второй половины XX века изучению контрреволюционных сюжетов уделяют внимание английские и американские историки. Ими подготовлен ряд серьёзных исследований, основанных на архивных материалах и посвящённых, в частности, отдельным персоналиям⁶⁴, деятельности английской разведки во Франции⁶⁵ и заговорам⁶⁶. Основателю «Общества по изучению двора» англичанину Ф. Мэнселу принадлежит и единственная на сегодняшний день научная биография Людовика XVIII⁶⁷. В предисловии автор отмечает, что Бурбонов принято считать «отринутыми как чуждые, анахроничные и неестественные», а Бонапарта, напротив, их успешным соперником, прошедшим испытание временем. Однако сам он приходит к иному выводу: «Возможно, именно Наполеон Бонапарт был чуждым,

---

⁵⁹ См., например: *Turquan J., Auriac J. de. Monsieur le comte d'Artois (Charles X). P., 1928 ; Bordonove G. Charles X : Dernier Roi de France et de Navarre. P., 2008.*

⁶⁰ Clément J.-P. avec le concours de D. de Montplaisir. Charles X. P., 2015.

⁶¹ *Lucas-Dubreton J. Le comte d'Artois. Charles X. Le prince, l'émigré, le roi. P., 1962.*

⁶² *Lever E. Louis XVIII. P., 1988 (reéd. 1993, 1997, 2006, 2007, 2012).*

⁶³ *Becquet H. Marie-Thérèse de France. L'orpheline du Temple. P., 2012.*

⁶⁴ См., например: *Fryer W.R. Republic or Restoration in France? 1794–1797. D'André and the Politics of French Royalism. Manchester, 1965; Mitchell H. The underground war against revolutionary France. The Missions of William Wickham 1794–1800. Oxford, 1965; Acomb F. Mallet du Pan, 1749-1800. A career in political journalism. Cambridge, 1973; Duckworth C. The d'Antraigues Phenomenon: The Making and Breaking of a Revolutionary Royalist Espionage Agent. Newcastle Upon Tyne, 1986.*

⁶⁵ *Sparrow E. Secret Service. British Agents in France. 1792–1815. Woodbridge, 1999.*

⁶⁶ *Conspiracy in the French Revolution / Ed. by Th.E. Kaiser and M. Linton. Manchester, 2010.*

⁶⁷ *Mansel Ph. Louis XVIII. L., 1981 (reed. 1983, 1999, 2005).*

анахроничным и неестественным; возможно, именно Людовик XVIII лучше понимал своё время»⁶⁸.

В нашей стране изучение контрреволюции никогда не было популярным – прежде всего, по идеологическим причинам. За все годы советской власти контрреволюции была посвящена лишь одна до крайности идеологизированная книга медиевиста О.Л. Вайнштейна⁶⁹, вышедшая в 1924 г. Можно сказать, что исследования контрреволюции начинаются в России только после падения советской власти: появляются работы об эмиграции⁷⁰, о Вандее⁷¹, о Л. де Бональде⁷², Малле дю Пане⁷³, Людовике XVIII⁷⁴, Ж. де Местре⁷⁵, Лионском восстании 1793 г.⁷⁶ Тогда же выходит монография В.А. Погосяна о перевороте 18 фрюктидора⁷⁷. Помимо событийной канвы этого периода, его интересовали вопросы социальной опоры правительства Директории, роль буржуазии в изменении политического климата во Франции, экономические причины складывания напряженной атмосферы в обществе.

Анализ историографии контрреволюционных движений показывает, что тематически исследования распределяются крайне неравномерно: в то время

---

⁶⁸ *Mansel Ph. Louis XVIII. Guilford, 1999. P. 1.*

⁶⁹ *Вайнштейн О.Л.* Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой Революции (1789-1796). Харьков, 1924. По понятным резонам занимались историей французской эмиграции и российские эмигранты: *Левин И.Д.* Эмиграция французской революции. Берлин, 1923; *Миллер К.* Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II. Париж, 1931.

⁷⁰ См., например: *Сергиенко В.Ю.* Французская революция глазами конституционных монархистов (опыт эмиграции) // Французский ежегодник (далее – ФЕ). 2001. М., 2001. С. 187-200; *Митрофанов А.А.* Граф д'Антрэг: слуга пяти королей и трех императоров // НиНИ. 2007. № 2. С. 188-200; *Ростиславлев Д.А.* Людовик XVIII и политическая программа французской эмиграции в эпоху революции конца XVIII в. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // ФЕ. 2000. М., 2000. С. 176-200.

⁷¹ См., например: *Летчфорд С.Е.* Вандейская война 1793-1796 гг. Некоторые теоретические проблемы // Новая и новейшая история. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1998. С. 59-81; *Мягкова Е.М.* «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII-XVIII веках. М., 2006.

⁷² *Ростиславлев Д.А.* Л. де Бональд о «Духе народов» // Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки. 2016. № 2 (22). С. 21-25.

⁷³ *Сергиенко В.Ю.* Малле дю Пан и его «Размышления о Французской революции» // Актуальные проблемы всеобщей истории. Ростов-на-Дону, 2002. С. 138-147.

⁷⁴ *Ростиславлев Д.А.* Людовик XVIII и политическая программа французской эмиграции в эпоху революции конца XVIII в. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // ФЕ. 2000. М., 2000. С. 176-200.

⁷⁵ *Дегтярева М.И.* Консервативная эволюция Жозефа де Местра // ФЕ. 2003. М., 2003. С. 120-150.

⁷⁶ *Чепурина М.Ю.* Истоки и механизм Лионского восстания 1793 года // ФЕ. 2016. М., 2016. С. 66-95.

⁷⁷ *Погосян В.А.* Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван, 2004. Диссертацию на эту тему автор защитил в конце 1980-х гг.

как народные движения, эмиграция, роялистские агенты постоянно привлекают внимание исследователей, многие другие сюжеты по-прежнему остаются «белыми пятнами». Аналогичным образом обстоит дело с различными периодами революции: лишь самому её началу посвящено отдельное исследование – труд лионского историка Э. Вентринье⁷⁸. Показательно, что из всех монархических группировок, которые существовали в эпоху Революции, также интерес историков вызывали лишь те, которые действовали до 1792 г. В наибольшей степени, пожалуй, повезло группировке монаршьенов⁷⁹: в 1950-е гг. появилась книга Ж. Эгре⁸⁰, в конце 1980-х гг. – Р. Гриффитса⁸¹, в начале XXI в. вышли уже упоминавшиеся статьи В.Ю. Сергиенко, в настоящее время эти исследования продолжаются Ф. Пестелем из университета Фрайбурга⁸². Вышло несколько работ и о фейянах: в 1924 г. была опубликована диссертация Ж. Мишона⁸³, в 1999 г. – монография А.В. Тырсенко⁸⁴.

Таким образом, можно сказать, что ни в отечественной, ни в зарубежной историографии изучению роялистского движения при Термидоре и Директории, по сути, не уделялось внимания. Когда же историки касаются этого сюжета в более общих работах, то, при невозможности опереться на конкретные исследования, согласия между ними нет. Несколько упрощая, можно выделить три основные точки зрения. Первая была особенно характерна для советской историографии: проблема не заслуживает внимания, поскольку роялисты представляли собой в это время утратившую всякую связь с реальностью кучку отщепенцев-эмигрантов, которые терпели одно поражение за другим. Особенно наглядно это показывает Е.В. Тарле в своей

---

⁷⁸ *Vingtrinier E.* La Contre-Révolution : première période 1789-1791. P., 1924-1925. 2 vols.

⁷⁹ «Les monarchiens» – так называли сторонников конституционной монархии по английскому образцу, дружеский кружок, сложившийся ещё во времена Учредительного собрания.

⁸⁰ *Egret J.* La Révolution des notables : Mounier et les monarchiens. 1789. P., 1950.

⁸¹ *Griffiths R.* Le centre perdu. Malouet et les « monarchiens » dans la Révolution française. Grenoble, 1988.

⁸² *Pestel F.* Monarchiens et monarchie en exil : conjonctures de la monarchie dans l'émigration française. 1792-1799 // *Annales historiques de la Révolution française.* 2015. № 382. P. 3-29 ; *Idem.* Kosmopoliten wider Willen: Die «monarchiens» als Revolutionsemigranten. Berlin-Boston, 2015.

⁸³ *Michon G.* Essai sur l'histoire du parti feuillant : Adrien Duport. Thèse pour le doctorat ès lettres. Vannes-P., 1924.

⁸⁴ *Тырсенко А.В.* Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999.

известной работе «Жерминаль и прериаль»: «Ничто не дает такой картины полного окостенения, духовной и политической смерти, как идеология и психология подавляющей массы роялистов в этом, 1795 г. [...] Они самым искренним образом абсолютно ничего не понимали, ничего не желали понимать в происшедшем землетрясении и, ослепленные классовой ненавистью, надеялись повернуть обратно колесо истории. [...] Всё это был политический бред: даже и ограниченная монархия Бурбонов встретила бы в 1795 г. жестокое сопротивление»⁸⁵.

Другую, пожалуй, чётче всего выразил в своей книге «Революция» Ф. Фюре: существовало два варианта роялизма. Первый отстаивал возвращение к Старому порядку, его воплощали принцы и эмигранты, и шансов на победу у них не было. Второй же «пока ещё не стал чем-то кроме влиятельного, но расплывчатого проекта, сложившегося в головах у буржуазии»; ранее этот проект разрабатывали монаршьены и фейяны. Он имел определённые шансы на успех, но «у умеренного роялизма не было короля», поскольку эмигранты его не поддерживали⁸⁶.

Обе эти точки зрения создают впечатление своеобразного «боя с тенью»: республиканцы то и дело наносили удары, прилагали титанические усилия, дабы не допустить реставрации монархии, а их противник, если верить историкам, не представлял из себя чего-либо серьёзного, был жалок и смешон. И лишь немногие исследователи придерживались третьей точки зрения: именно в это время роялисты были как никогда близки к успеху. В частности, Мэнсел писал: «Одной из основных функций правительства Людовика в изгнании было составление политической программы для претворения в жизнь после его возвращения во Францию – события, которое всегда, особенно между 1795 и 1800 гг., казалось совсем близким»⁸⁷.

---

⁸⁵ *Тарле Е.В.* Жерминаль и прериаль. М., 1957. С. 67, 70.

⁸⁶ *Furet F.* La Révolution. De Turgot à Jules Ferry. 1770-1880. P., 1988. P. 169, 170.

⁸⁷ *Mansel Ph.* Op. cit. P. 110.

Методологическая основа исследования. Разнообразие источников и задач исследования обуславливает и разнообразие методологических подходов. Одним из них является принцип историзма, в соответствии с которым исторические явления рассматриваются в развитии, с учётом процесса их становления и изменения под влиянием тех или иных условий и факторов. Эти явления анализируются, насколько это возможно, в рамках их собственной логики с учётом идейных ценностей и менталитета, характерных для изучаемой эпохи. Однако не вызывает сомнений, что на практике историку сложно избежать как привнесения в исследование своих собственных ценностей, так и ретроспективного взгляда.

Принцип историзма применялся в диссертации с учётом системного подхода, предполагающего, что объект исследования – это система, состоящая из взаимосвязанных элементов. «Системный подход к пониманию объекта можно рассматривать как синтез интуитивного и аналитического методов. Он отрицает попытку сведения свойств целого к свойствам его частей, но заимствует у аналитического подхода интерес к внутренней структуре объекта. На первое место выдвигается совокупность системных свойств целого, которые, как правило, не присущи составным элементам системы, взятым по отдельности»⁸⁸.

Другим используемым при написании диссертации методом стали принципы герменевтики – теории и практики интерпретации текстов, их истолкования, выявления явных и скрытых смыслов. Эти принципы включают в себя как психологические (проникновение во внутренний мир автора текста), так и непсихологические (семиотические, логические и феноменологические) приёмы. При этом необходимо учитывать, что «пониманию подлежит не только дословный текст и его объективный смысл, но также индивидуальность говорящего или пишущего»⁸⁹, а «интерпретация – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным

---

⁸⁸ *О'Коннор Дж., Макдермотт И.* Искусство системного мышления. Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. М., 2006. С. 14.

⁸⁹ *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 215.

смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении»⁹⁰. Герменевтический анализ текстов дополняет в диссертации их традиционный историко-филологический анализ с использованием историко-антропологического, социокультурного, политико-правового и терминологического методов.

Ещё одним методологическим приёмом стала теория дискурс-анализа как инструмента интерпретации текстов. Она исходит из того, что язык – это не только отражение существующей реальности, он структурирован в отдельные системы значений слов (дискурсы), которые создаются и трансформируются в ходе дискурсивных практик. Дискурс включает в себя не только речь (устную и письменную), но и визуальные образы. Это форма социальной практики, которая и конституирует социальный мир, и сама конституируется в других социальных практиках⁹¹. Теория дискурсивных практик применительно к историческому исследованию активно разрабатывалась, в частности, М. Фуко. Эти практики включают в себя способы производства дискурса и контроля над ним, пути формирования «ритуализованных ансамблей дискурсов»⁹², способы навязывания дискурсов и ограничения доступа к ним.

При изучении окружения Людовика XVIII был использован и просопографический метод – «речь идет о коллективной биографии группы, обладающей определенным числом общих черт, биографии, составляемой путем сбора и анализа данных по всем членам группы. Используя методы выявления родственных связей, проследив жизненные пути (как индивидуальные, так и коллективные) и собрав определенное количество биографий, можно получить некое представление о социальной группе в целом»⁹³. Применение этого метода позволило лучше понять социальные практики и динамику двора, окружавшего короля в изгнании.

---

⁹⁰ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008. С. 51.

⁹¹ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 35, 110.

⁹² Фуко М. Порядок дискурса // Он же. Воля к истине. М., 1996. С. 60.

⁹³ Дюма Ж. Об изучении элит в современной историографии // ФЕ. 2001. М., 2001. С. 135.

Анализ форм репрезентации власти и саморепрезентаций графа Прованского, противопоставление в идейном пространстве роялистов и республиканцев заставило обратиться также к методам междисциплинарной по своей природе исторической имагологии. Особенно полезным при исследовании этих сюжетов оказался инструментарий потестарной имагологии – направления, которое работает с образами власти в широком смысле их понимания. «Объективированные образы действительности (в нашем случае потестарных отношений), – писал М.А. Бойцов, приложивший немало усилий для популяризации этого направления в нашей стране, – являются обычно как *выражением* определённого взгляда на неё (впечатления от неё), так и *способом воздействия* на ту же самую действительность»⁹⁴.

В ряде случаев при написании диссертации были также использованы методы, практикующиеся при микроисторическом анализе. Опыт таких исследований показывает, сколь плодотворно может быть познание исторического контекста через кажущиеся частными случаи или казусы, вне зависимости от того, типичны они или аномальны.

Научная новизна исследования. На настоящий момент в отечественной и зарубежной историографии отсутствуют работы, анализирующие теорию и практику роялистского движения при Термидоре и Директории. В немногочисленных монографиях, посвящённых истории роялизма в годы Французской революции XVIII века, этому периоду не уделяется особого внимания, в качестве теоретических основ движения рассматриваются книги, которые, при всей их значимости, не были связаны с практикой. В исследованиях, описывающих жизнь и деятельность Людовика XVIII, биография короля не сопрягается в полной мере с историей контрреволюционного движения; в лучшем случае, оно служит для неё фоном.

Данная диссертация – комплексное исследование, в котором впервые в историографии роялистское движение при Термидоре и Директории

---

⁹⁴ Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. СПб., 2010. С. 15.

рассматривается как неотъемлемая часть Французской революции, в тесной взаимосвязи с опытом её предшествующих лет, республиканским политическим проектом, политикой французских властей. В качестве идейной основы роялизма в ней впервые анализируются тексты не теоретиков контрреволюции, а её лидеров, оказывавшие непосредственное влияние на деятельность противников Революции. В исследовании опровергается ряд давно устоявшихся в историографии тезисов, в соответствии с которыми роялистское движение в этот период в целом и роль Людовика XVIII в частности рассматривались как относительно маргинальные, а политические взгляды Людовика XVIII и его окружения – как стремление вернуться к Старому порядку. Диссертация основывается на архивных материалах из французских, английских и российских архивов, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Практическая значимость работы. Проведённое исследование позволяет по-новому увидеть, как контрреволюционное движение в годы Французской революции XVIII в., так и саму Революцию в целом. Имеющийся в диссертации фактический материал, выводы и результаты исследования могут быть использованы для написания общих и специальных работ по истории Франции и международных отношений конца XVIII в., при чтении лекций по истории Нового времени и специальных курсов, рассматривающих различные аспекты Французской революции, при проведении семинарских занятий, при написании учебников и учебных пособий по истории Нового времени.

Апробация исследования. Основные положения работы были изложены автором в двух монографиях и 42 статьях на русском и французском языках общим объёмом 54,4 а.л., в том числе в 16 научных публикациях общим объёмом 18,4 а.л., изданных в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в перечень ВАК РФ. Они также были представлены в виде докладов и сообщений на международных и российских конференциях, коллоквиумах и круглых столах: на международном

коллоквиуме «1795. За Республику без Революции» (Ренн, 1995), 120-м национальном конгрессе исторических и научных обществ (Экс-ан-Прованс, 1995), международном коллоквиуме «Республика времён Директории» (Клермон-Ферран, 1997), Ломоносовских чтениях (Москва, 2000), круглых столах «Французская революция XVIII века и буржуазия» (Москва, 2001) и «Дискуссионные проблемы Новой истории стран Европы и Америки» (Москва, 2013), международных конференциях «Метаморфозы власти в странах Запада в XVII-XVIII вв.» (Москва, 2015) и «Наполеоновские мифы в мировой культуре: эпистемология, аксиология, репрезентации в литературе, историографии, искусстве» (Москва, 2016). Кроме того, тема диссертационного исследования была поддержана грантами и стипендиями: стипендия «Дома наук о человеке» (Париж) (1995), стипендия Дидро (1998-1999), стипендия «Дома наук о человеке» (Париж) (2004), грант РГНФ, проект «Между республикой и реставрацией: французские роялисты при Термидоре и Директории» (№ 04-01-00268а, 2004-2006).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. При Термидоре и Директории роялисты не были маргинальной политической силой. Они воспринимались республиканцами как реальная угроза установленному Революцией миропорядку, как равные, а порой и превосходящие по возможностям и ресурсам соперники. Исход борьбы с ними виделся столь неопределённым, что ради победы республиканцы шли на государственные перевороты, разрушающие и лишаящие легитимности ими же созданную Конституцию III года Республики.

2. В 1794-1799 гг. существовало как минимум четыре момента, когда реставрация монархии во Франции была весьма вероятна. Первый приходится на конец 1794 – первую половину 1795 г. и связан с изменением политической ситуации в стране после падения диктатуры монтаньяров, второй – на лето-осень 1795 г., когда была принята Конституция III года Республики и объявлены выборы в новый Законодательный корпус, третий – на 1797 г., когда переворот 18 фрюктидора V года Республики помешал планам

роялистов, и четвёртый – на вторую половину 1799 г., когда возникли планы положить конец режиму Директории.

3. Ни Людовик XVIII, ни его окружение не выступали за восстановление Старого порядка и были готовы к компромиссу с революционерами и республиканскими ценностями. Лидеры роялистов планировали дать Франции писанную конституцию, гарантировать подданным ряд прав, включая право собственности, сохранить звания и должности за теми, кто готов был принести присягу на верность королю, оставить в силе значительную часть созданного революцией законодательства.

4. Между роялистами и конституционными монархистами в это время не существовало непримиримых противоречий. Они не представляли собой две конкурирующие политические группировки с принципиально разными взглядами, Людовик XVIII был готов к компромиссу с конституционными монархистами, а те видели в нём законного государя и готовы были с ним сотрудничать. К концу рассматриваемого в диссертации периода позиции роялистов и конституционных монархистов значительно сблизились.

5. В 1794-1799 гг. политические взгляды Людовика XVIII и его окружения претерпели существенную эволюцию, к концу этого периода созданный ими политический проект содержал бóльшую базу для компромисса, нежели республиканский.

6. Роялистам не удалось одержать победу и реализовать планы реставрации монархии по ряду причин. Среди них значительная удалённость их лидеров от Франции, не позволявшая быстро и адекватно реагировать на политические перемены в стране, успехи республиканской пропаганды, весьма ограниченная поддержка планов французских роялистов со стороны европейских держав, а также характер и сложившаяся в общественном мнении репутация Людовика XVIII.

Структура работы. Диссертация построена по проблемно-хронологическому принципу. Она состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений, списка источников и использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** характеризуются актуальность и научная значимость исследовательской проблемы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, обосновываются хронологические рамки, дается обзор источников, использованных для решения поставленных задач, а также анализ историографии, позволяющий судить о степени изученности проблемы. Во введении также определяются методологические подходы и обосновывается научная новизна исследования, его практическая значимость и степень апробации полученных результатов, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Наследники Людовика XVI» состоит из двух параграфов. В первом из них рассказывается о судьбе – от рождения до 1794 г. – двух французских принцев. Один, Людовик XVII, унаследовавший трон после Людовика XVI, стал главой французских роялистов в семь лет и никогда не правил, однако играл важную роль в политических раскладах времён диктатуры монтаньяров. Даже будучи заключённым в тюрьму и разлучённым с семьёй, республиканцами он воспринимался как постоянная угроза стабильности режима; для роялистов он был и оставался знаменем, позволяющим объединить всех сторонников монархии. Другой, Людовик-Станислас-Ксавье, граф Прованский, брат Людовика XVI в эти годы умело выстраивал свой образ книжника и интеллектуала, интересующегося политикой и хорошо в ней разбирающегося. Накануне и в первые годы революции он был самым популярным членом королевской семьи; отправившись в 1792 г. в эмиграцию, сделал всё для того, чтобы возглавить контрреволюционное движение.

Во втором параграфе анализируется та репутация, которая сложилась у Людовика XVIII в его бытность графом Прованским, и ставится вопрос о причинах его идейной эволюции: от одобрения реформы Мопу и оппозиции идеям Тюрго к поддержке преобразований в 1789 г. и далее к противостоянию

всё более радикализирующейся революции. Мастер репрезентаций, принц не избежал формирования «чёрной легенды»: недруги обвиняли его в подготовке революции и подрыве репутации королевской семьи, в непоследовательности и заигрывании с революционерами. В данном разделе диссертации демонстрируется, что эти обвинения были во многом беспочвенны: граф Прованский неизменно поддерживал Людовика XVI, в том числе и в желании найти общий язык с революционерами. Рассуждая о стремлении принца угодить толпе, нельзя не учитывать, что время царствования Людовика XVI – это время рождения во Франции публичной политики, эффективность которой напрямую зависела от общественного мнения.

Вторая глава «Термидор: роялисты в поисках монарха» посвящена анализу событий и тенденций с лета 1794 до лета 1795 г. В первом параграфе в центре внимания оказывается рост монархических настроений во французском обществе в первый год после переворота 9 термидора. Усталость от пяти лет революционных пертурбаций, разочарование в «ценностях 1789 года», отсутствие мира и политической стабильности, инфляция, разрушенная экономика и перебои с продовольствием, слабость республиканских традиций и отторжение Террора – всё это способствовало массовым проявлениям явного или латентного роялизма.

Отказ от Конституции 1793 г. и обсуждение нового основного закона страны, за которым должны были последовать выборы в Законодательный корпус, падение популярности Национального Конвента, стремившегося оставаться у власти, создавали для сторонников монархии возможность победить не при помощи армий интервентов, а мирным путём. В этой ситуации Людовик XVII превращался в важную (хотя и пассивную) политическую фигуру. Со своей стороны, Конвент смягчил условия заключения принца, его судьба обсуждалась во время переговоров о мире с другими державами и армиями, сражавшимися в Вандее. Это свидетельствовало о склонности термидорианцев к компромиссу, об отсутствии былой непримиримости в отношении королевской власти.

Во втором параграфе этой главы ставится вопрос о наличии во Франции в эти годы реальных политических сил, готовых к реставрации монархии. Анализ деятельности ряда депутатов Конвента, мемуаров их коллег, политических дебатов, переписки и свидетельств современников позволяет прийти к выводу о том, что среди членов Конвента было немало депутатов, задумывавшихся о том, что их ждёт по окончании срока полномочий и готовых вести переговоры с графом Прованским и другими сторонниками реставрации королевской власти. Хотя применительно к большинству деятелей того времени сложно говорить об устоявшейся системе политических взглядов, среди проектов, обсуждавшихся в первой половине 1795 г., были и проекты восстановления монархии во главе с Людовиком XVII (его малолетство позволяло сохранить власть, образовав регентский совет) или иностранными принцами.

Смерть Людовика XVII положила конец этим планам, привела к кардинальным переменам в стратегии и тактике контрреволюционного движения. Возникшей после неё совершенно новой политической ситуации и посвящён третий параграф второй главы. В нём рассматриваются различные претенденты на престол, с которыми связывали свои планы отдельные французские политики (герцог Орлеанский, граф д'Артуа, принц Конде, герцог Йоркский, Генрих Прусский, эрцгерцог Карл, испанские Бурбоны) и делается вывод о том, что все эти принцы не имели серьёзной поддержки внутри Франции или за её пределами. Отныне у всех, кто стремился к реставрации монархии, не было иного выхода, кроме как сплотиться вокруг графа Прованского.

В третьей главе «Провозглашение королём Людовика XVIII: упущенные возможности» рассматриваются планы и действия роялистов во второй половине 1795 г. после провозглашения Людовика XVIII королём Франции. В первом параграфе анализируются обстановка, в которой был принят главный политический документ роялистов этого времени – Веронская декларация, и текст самого документа, второй параграф посвящён откликам на

неё. Составляя Декларацию, Людовик XVIII имел возможность опираться на получаемые им из нескольких источников сведения о том, что происходило во Франции, учитывал советы конституционных монархистов и своих иностранных союзников. Одновременно ему приходилось принимать во внимание и свою репутацию как человека, занимавшего двусмысленную позицию и в начале революции, и по отношению к королевской чете и её детям. Декларация была призвана сформировать определённый образ короля в глазах его подданных, видящих будущее Франции очень по-разному. Этот образ должен был привлечь как эмигрантов, мечтающих о реванше, так и тех, кто оставался внутри страны, некогда приветствовал революционные преобразования, делал карьеру в армии и администрации.

Стремясь выглядеть на фоне Людовика XVI монархом, намного более уверенным в себе и не боящимся использовать силу, Людовик XVIII предлагал в Веронской декларации компромисс, который оказался не понят и не оценен. Этот документ стал одним из его главных политических просчётов, похоронившим надежды на реставрацию монархии в 1795 г.

Третий параграф посвящён отношениям между Людовиком XVIII и правительствами стран антифранцузской коалиции, ни одно из которых (кроме России) не признало его законным монархом. Людовик XVIII, с одной стороны, надеялся на иностранную помощь, ожидал её и просил о ней, а с другой, – постоянно думал о том времени, когда придётся платить по счетам. Европейские монархии в большинстве своём не питали к Бурбонам тёплых чувств и рассчитывали использовать Французскую революцию в своих интересах. Победа над Республикой должна была стать не только и не столько победой над Революцией, сколько победой над давним соперником. Никто не был заинтересован в сильной Франции, и это парадоксальным образом сближало интересы республиканского правительства и короля в изгнании.

Взаимное недоверие между Людовиком XVIII и странами коалиции привело к тому, что победы французских армий стали вызывать у короля смешанные чувства. Они, несомненно, уменьшали его шансы на реставрацию

извне, заставляли его опасаться за свою безопасность и всё больше удаляться от французских границ, но одновременно внушали ему законное чувство гордости соотечественниками, весь XVIII век терпевшими одно поражение за другим, и заставляли задумываться о том, как сделать так, чтобы монархия унаследовала успехи Республики. По сути, для этого был лишь один путь: добиться реставрации собственными силами, в минимальной степени используя войска коалиции.

В четвёртом параграфе рассматривается активизация деятельности сторонников монархии вокруг принятия Конституции III года Республики и выборов 1795 г. Получая многочисленные свидетельства участия роялистов в первичных собраниях и собраниях выборщиков, опасаясь провала на выборах, члены Конвента приняли декреты от 5 и 13 фрюктидора (22 и 30 августа 1795 г.), вошедших в историю как «декреты о двух третях», поскольку они предписывали обязательное переизбрание в новый Законодательный корпус двух третей членов Конвента. Это решение вызвало в стране бурю негодования, однако анализ результатов выборов показывает, что оно было оправдано: в той трети, голосование по которой шло свободно, большинство голосов получили роялисты и конституционные монархисты.

«Декреты о двух третях» предотвратили возможность реставрации монархии, однако неприязнь к увековечившим свою власть депутатам Конвента была столь велика, что 13 вандемьера IV года (5 октября 1795 г.) в столице вспыхнуло народное восстание. Ему посвящён пятый параграф третьей главы диссертации. В историографии это восстание принято считать роялистским, однако изучение архивных документов и свидетельств современников убедительно доказывает, что, хотя роялисты в нём участвовали и могли в случае успеха извлечь политические дивиденды, восставшие не ставили перед собой роялистских целей, и нет никаких доказательств, что организаторы восстания стремились к реставрации королевской власти.

Через несколько дней после восстания Национальный Конвент окончил свою работу и самораспустился, уступив место Директории. Все планы

роялистов, связанные со всеобщим недовольством его долгим правлением и надеждами воспользоваться сменой политического режима, так и остались нереализованными. И тому видится несколько причин.

Прежде всего, чрезвычайно грамотно действовали лидеры термидорианского Конвента. Они воспользовались переломом в ходе войны, достигнутым ещё во времена диктатуры монтаньяров, чтобы заключить мир с рядом держав коалиции, расколов её и полностью устранив внешнюю угрозу. Они сделали ставку на завершение Революции, предложив конкретный, практический и прагматический политический проект, тот компромисс, который в общем и целом устраивал сторонников республики. Они не пожалели сил, чтобы решительно устранить угрозу и «справа», и «слева», проявили при этом изрядную гибкость и не побоялись доверить оружие санкюлотам.

Немалую роль сыграло и объявление о смерти Людовика XVII: оно положило конец планам мирной реставрации монархии, при которой власть могла бы оказаться в руках наиболее искусных республиканцев и умеренных конституционалистов. Была ли эта смерть естественной или намеренной, она полностью изменила имеющиеся на тот момент политические расклады. И наконец, в этом раунде противостояния действия роялистов оказались куда менее успешными, чем деятельность республиканцев. Взойдя в июне на престол, Людовик XVIII ещё только начал работу по координации деятельности всех контрреволюционных сил. Веронская декларация, составленная им на основе той информации, которой он располагал, оттолкнула от него участников Революции. Отдалённость от Франции не позволила королю использовать благоприятную ситуацию, сложившуюся во Франции к концу 1795 г. Роялистам предстояла долгая работа над ошибками.

В четвёртой главе «Стратегия и тактика роялистов в годы Директории» рассматривается деятельность Людовика XVIII и его соратников в 1795-1799 г. В первом параграфе анализируется процесс формирования королевского Совета и двора, то есть того окружения, которое

оказывало на монарха непосредственное влияние. Отмечается существенный разрыв между Версальским двором и этикетом, с одной стороны, и теми структурами и нормами, которые удалось создать и поддерживать Людовику XVIII, с другой. Изучение взглядов членов Совета (барона де Флашсландена, маршала де Кастри, маркиза де Жокура, графа де Сен-При, герцога де Ла Вогийона), а также ряда других придворных показывает, что король не допускал в своё ближайшее окружение сторонников возвращения к Старому порядку, старался приближать к себе практиков и реалистов.

Второй параграф посвящён деятельности роялистов в конце 1795 – первой половине 1796 г., направленной на упорядочивание организации роялистского подполья на территории Франции, создание агентств, которые должны были координировать контрреволюционную деятельность по всей стране, и ликвидацию негативного эффекта, произведённого Веронской декларацией. Тогда же роялисты начинают заниматься поиском популярного генерала, который мог бы, отказавшись от поддержки республики, способствовать их приходу к власти.

В третьем параграфе рассказывается об успехах роялистов на рубеже 1796-1797 гг. Людовику XVIII удаётся объединить вокруг себя два главных политических течения, ставящих своей целью падение республики – роялистов и конституционных монархистов. Выборы 1797 г. принесли сторонникам реставрации королевской власти ошеломляющий успех: они завоевали почти половину мест в Законодательном корпусе и поставили своих людей во главе обоих Советов. Воспользовавшись результатами выборов, роялисты перешли в наступление, однако переворот 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 г.) положил конец их надеждам прийти к власти законным путём.

С этого времени роялисты окончательно решили сделать ставку на военный переворот – эти планы рассматриваются в четвёртом параграфе. Распад антифранцузской коалиции заставил Людовика XVIII искать убежище на территории Российской империи, в Митаве, где Павел I предоставил ему

убежище и финансирование. В качестве «шпаги», которая должна завоевать власть для Людовика XVIII, намечался генерал Н. Бонапарт, однако удалённость короля от Франции помешала ему быстро и успешно провести переговоры. Не позволила она и эффективно руководить контрреволюционным движением: запланированные на 1799 г. восстания оказались несогласованными, и правительству удалось с ними справиться. Отныне оснований для надежд у роялистов больше не оставалось. Наполеон Бонапарт стал восприниматься как главное препятствие для реставрации королевской власти, а Людовик XVIII ступил на французскую землю лишь 24 апреля 1814 г.

В пятой главе «Обновлённая французская монархия в представлении Людовика XVIII и его окружения» рассматривается тот идейный фундамент, на который опирались проекты и планы роялистов. Первый параграф посвящён эволюции политических, социальных и экономических взглядов Людовика XVIII и его окружения в 1795-1799 гг. В нём доказывается, что король был готов даровать своим подданным писанную конституцию, Хартию, не в 1814 г. под давлением союзных войск, как это считалось ранее, а уже в 1798 г. Монарх в полной мере учёл опыт негативного восприятия Веронской декларации, объединил усилия с открыто выступившими в его поддержку конституционными монархистами, ясно дал понять, что возврата к Старому порядку быть не может, стал использовать отдельные понятия революционного дискурса. В то же время он выступал за фундаментальные законы французской монархии, полагая, что их пересмотр ставит под угрозу сами основы королевской власти.

Во втором параграфе анализируется отношение лидеров роялистов к тем основным проблемам, которые должны были неминуемо возникнуть после реставрации королевской власти. Среди них вопросы о сохранении во французской политической системе такого института как Генеральные штаты, сословий и сеньориальных прав, о возвращении прежним владельцам национальных имуществ, о том, какие изменения необходимо произвести в

управлении страной и налоговой системе, как поступить с гражданской регистрацией рождений, браков и смертей, практиковавшейся в годы революции, с революционным законодательством, насколько широкой должна быть амнистия мятежным подданным.

В третьем параграфе обсуждается обширный комплекс религиозных вопросов. Настаивая на возвращении католицизму статуса государственной религии, Людовик XVIII обещал свою защиту подданным любого вероисповедания. Он также осознавал, что ему предстоит объединить духовенство, пережившее за годы революции несколько расколов, решить, из каких источников оно должно финансироваться, стоит ли настаивать на возвращении церковной десятины и церковного имущества, налогового иммунитета первого сословия.

Поскольку борьба за восстановление монархии велась не только в теоретическом и практическом, но и в символическом поле, в четвертом параграфе рассматривается образ Людовика XVIII как истинного короля Франции, к формированию которого сам король прилагал немало усилий. Не имея возможности пользоваться каналами государственной пропаганды, он вынужден был довольствоваться речевыми образами, формируя их при личном общении, в декларациях и обращениях, инструкциях и переписке. При этом в ситуации, когда король находился за сотни километров от своей страны, любая коммуникация с французами была максимально затруднена и ограничивалась его декларациями, газетными статьями и слухами. Любой шаг в этой ситуации приходилось тщательно продумывать, быть не только государем, но и публичным политиком.

Анализ усилий, предпринятых Людовиком XVIII для успешной репрезентации королевской власти, заставляет поставить вопрос о том, в какой мере политическая имагология в XVIII веке была выстроена вокруг личности законного государя, а в какой – вокруг того места, которое он должен был занимать в своём королевстве. Как только оказывалось, что монарх лишён этого места, как только ему приходилось доказывать подданным своё право

занимать трон, его восприятие существенным образом менялось. Те поступки, которые были бы благосклонно восприняты со стороны короля, реально занимающего свой трон, те репрезентации, которые в иное время не вызвали бы никаких проблем, неожиданно для Людовика XVIII оказались двусмысленными или неудачными.

В заключении подведены основные итоги диссертационного исследования и сформулированы выводы.

Анализ теории и практической деятельности французских роялистов при Термидоре и Директории позволяет кардинальным образом изменить сложившееся в историографии восприятие их как маргинальной политической силы. В 1794-1799 гг. существовало как минимум четыре момента, когда реставрация монархии во Франции была весьма вероятна.

Первый момент приходится на конец 1794 – первую половину 1795 г., когда массовая усталость от Революции, высокий уровень недовольства политикой Национального Конвента, экономические и социальные проблемы заставляли французов видеть во времена монархии утраченный «Золотой век». Одновременно задумывались о своём будущем и политики: работа Национального Конвента подходила к концу, и перед его депутатами вставал вопрос о том, что ждёт их дальше, как сохранить накопленный в годы Революции политический и финансовый капитал, а также как спасти свою жизнь, если произойдёт реставрация королевской власти. В этих условиях самым выгодным казалось сыграть на опережение: либо первыми предложить свои услуги графу Прованскому, либо самим возродить монархию, призвав на трон иностранного принца или войдя в регентский совет при малолетнем короле. Смерть Людовика XVII сделала все эти проекты неактуальными.

Второй момент – лето-осень 1795 г. Депутаты Конвента не сомневались, что выборы принесут успех монархистам, и те действительно одержали победу. На этот раз камнем преткновения стала Веронская декларация Людовика XVIII, сулившая прощение всем, кроме царубийц. Опасаясь за свои жизни, депутаты решились на корректировку Конституции III года,

приняли «декреты о двух третях» и подавили восстание 13 вандемьера IV года Республики.

Третий благоприятный для реставрации момент – 1797 год, когда значительное число бывших членов Национального Конвента покинуло скамьи Законодательного корпуса, а среди новых депутатов оказалось немало сторонников монархии. Однако пока те пытались объединиться и разработать план совместных действий, республиканцы вновь нанесли превентивный удар и совершили переворот 18 фрюктидора V года Республики. Опыт подавления восстания 13 вандемьера оказался востребован: с армией начали договариваться заранее, и именно её вмешательство обеспечило сохранение режима Директории.

И, наконец, вторая половина 1799 г. Казалось, что судьба Директории предрешена. В окружении Людовика XVIII уже были разработаны документы, которые должны были регламентировать жизнь в стране после возвращения законного государя. На сей раз все планы были разрушены переворотом 18 брюмера VIII года Республики. Король ещё надеялся договориться с Бонапартом, что тот сыграет роль Монка, но надежды эти оказались тщетными.

Диссертационное исследование показало, что ни Людовик XVIII, ни его сподвижники не выступали за восстановление Старого порядка. Как для республиканцев существовали определённые константы, выйти за пределы которых они не могли (Декларация прав человека и гражданина, народный суверенитет, единая и неделимая республика), так и для короля являлась константой сама суть королевской власти – фундаментальные законы французской монархии, королевский суверенитет, опора на католическую церковь. Если республиканцы вынуждены были создать такую Конституцию, которая устроила бы большинство имевших права голоса, то задача, стоявшая перед Людовиком XVIII, была намного сложнее: не оттолкнуть от себя тех, кто поддерживал монархию внутри страны и за её пределами, привлечь французов, переживших череду революционных потрясений, успокоить и

заинтересовать тех, кто немало получил от Революции – землю, деньги, должности, воинские звания.

Увидев, что Веронская декларация не только не достигла цели, но и вызвала у многих отторжение, в следующие четыре года Людовик XVIII существенно корректирует свои позиции. Перед ним, по сути, стояла та же задача, что и перед республиканцами: как закончить Революцию, как найти приемлемый компромисс. Так политическая борьба времён Термидора и Директории превращалась в значительной степени в сражение за общественное мнение, борьбу двух моделей компромисса.

Не будет преувеличением сказать, что созданный Людовиком XVIII в 1799 г. политический проект содержал куда большую базу для компромисса, нежели республиканский. Король неоднократно подтверждал, что готов даровать подданным Хартию, то есть написанную конституцию. Он гарантировал соблюдение прав всех подданных, включая право собственности. Роль «представителей нации» должны были играть депутаты Генеральных штатов. Планировался равный доступ к государственным должностям и равенство всех перед законом. Людовик XVIII готов был к тому, чтобы сохранить многое из сделанного революцией, начиная от территориального деления страны и заканчивая налоговой системой, смирился с тем, что придётся амнистировать некоторых цареубийц, не возражал сохранить звания и должности за теми, кто готов был принести присягу верности государю. Соглашаясь на все эти перемены, Людовик XVIII в полной мере проявил себя скорее либералом, чем консерватором. В этом ракурсе даже удивительно, что у историков контрреволюции ни разу не возникал вопрос, в какой степени его правомерно считать контрреволюционером. По сути, за рядом исключений, это была та программа, которая воплотилась в жизнь в 1814-1815 гг., разве что место Генеральных штатов занял двухпалатный парламент.

Всё это приводит к выводу, что причина, по которой Республика смогла устоять, лежит за пределами сравнения политических проектов: то, что

предлагали сторонники монархии, было не менее, если не более привлекательным, нежели то, что предлагали республиканцы. Столь же сложно обнаружить эту причину в социально-экономической или политической ситуации во Франции. И полицейские донесения, и письма, приходившие в центральные органы власти, и выступления политиков фиксировали в 1794-1799 г. растущее стремление французов вернуться к монархии, в том числе и по экономическим соображениям. В отсутствие социологических опросов их роль могли бы сыграть выборы (с поправкой на существование цензовой избирательной системы) – и они также приносили успех монархистам, пока в 1797 г. эту тенденцию не прекратил проведённый Директорией государственный переворот. Самой надёжной опорой республиканцев оставалась армия, но и у роялистов были свои генералы.

Как показывает диссертационное исследование, победе роялистов и реставрации монархии в наибольшей степени помешало несколько других факторов.

Первый лежит в сфере пропаганды и репрезентаций власти. Будучи самым популярным членом королевской семьи накануне и в первые годы Революции, после эмиграции, во многом благодаря успехам правительственной пропаганды, граф Прованский эту популярность утратил. Действия принца не замалчивались, но высмеивались, его представляли предателем интересов собственной семьи, бессильным лицемером. Веронскую декларацию использовали, чтобы выставить Людовика XVIII непримиримым противником Революции и королём эмигрантов, чьё возвращение поставит под угрозу собственников национальных имуществ.

Столь же массивной обработки общественного мнения роялисты организовать не смогли. К тому же роялистский проект в полной мере сложился к 1799 г., а до того постоянно трансформировался. Многие документы планировалось огласить накануне или во время реставрации, однако после переворота 18 брюмера они так и остались на бумаге. В итоге высокая готовность Людовика XVIII к компромиссу оказалась и неизвестной,

и не востребованной. Его удалённость от Франции воспринималась как пассивность, основные исторические аналогии, на которых он выстраивал свой образ, в том числе фигура Генриха IV, плохо работали.

Вторым фактором стала невозможность в полной мере руководить контрреволюционным движением, находясь за пределами Франции. Стремительно менявшаяся ситуация в стране требовала мгновенно принимать решения, использовать те возможности, которые открывались совсем ненадолго, вести переговоры с республиканцами, готовыми перейти на сторону роялистов. Сколько бы агентств или советов не организовывал Людовик XVIII, их члены не могли сыграть роль государя хотя бы потому, что их слово ничего не стоило в политическом торге, всем нужны были гарантии лично от короля. Из года в год роялисты восточных и западных провинций говорили о том, что они смогут добиться успеха лишь тогда, когда во главе их встанет особа королевской крови. Не хватило агентам авторитета и для того, чтобы удержать в узде роялистов в 1799 г.: восстания в различных регионах начались в разное время и не слились воедино.

Хотя уже к 1797 г. Людовику XVIII удалось создать сети и каналы, позволяющие координировать роялистские организации в стране, и наладить обмен информацией, расстояния и скорость доставки корреспонденции раз за разом оказывались для короля критичными. Он не сумел оперативно отреагировать на недовольство парижан в конце 1795 г., не успел консолидировать монархистов перед 18 фрюктидора, его переговоры с генералами и депутатами носили затяжной характер.

Сам Людовик XVIII не мог оказаться во Франции без помощи великих держав, а те не стремились ему в этом поспособствовать. Не было у него и принцев, которым он мог бы поручить эту роль: принц Конде и граф д'Артуа придерживались намного более правых взглядов, а брат короля к тому же был склонен к неумеренной самостоятельности. В этих условиях оставалось рассчитывать только на то, что кто-то из республиканских политиков или генералов возьмёт подготовку реставрации на себя, как это случилось в

Англии за век с лишним до того. В 1795 г. это представлялось особенно вероятным, многие депутаты Конвента были не уверены в будущем и оказались готовы договариваться с Людовиком XVIII. Препятствием стала Веронская декларация: король не мог позволить себе простить царубийц, а именно они пользовались в Конвенте наибольшим влиянием. После этого роялисты стали искать нового Монка, но ситуация менялась столь быстро, а переговоры шли столь медленно, что ни с кем заключить прочный договор так и не удалось.

В этом сыграл значительную роль третий фактор: Французская революция не только уничтожила монархию как государственный строй, но и заложила мину под её идейный фундамент. Идеология Просвещения, реформы 1789-1791 гг., в частности, принятие Конституции 1791 г. существенно раздвинули границы допустимого. Кромвель долго колебался, но так и не принял корону. Бонапарту же ничто не помешало возложить её на себя. И не только Франция это приняла – он, в отличие от Людовика XVIII, был признан и европейскими державами.

Наконец, четвёртый и, пожалуй, самый важный фактор. 18 брюмера нельзя объяснить лишь всеобщим стремлением пересмотреть Конституцию III года или желанием положить конец режиму Директории и учредить на его месте режим с сильной исполнительной властью. В первую очередь успех переворота обеспечила готовность Бонапарта поставить всё на карту, действовать здесь и сейчас, при необходимости применить силу, выйти за рамки возможного.

Таким образом, проведённое исследование существенно меняет устоявшиеся представления о заключительном этапе Французской революции XVIII века. Роялисты в это время воспринимались республиканцами как реальная угроза установленному Революцией миропорядку, как равные, а порой и превосходящие по возможностям и ресурсам соперники. Годы Термидора и Директории проходили в постоянной борьбе между двумя политическими проектами – республиканским и роялистским. Будущее

виделось столь неопределённым, что ради победы республиканцы шли на государственные перевороты, разрушающие и лишаящие легитимности ими же созданную Конституцию III года Республики. Их лидеры, как и популярные генералы республиканских армий, вступали с роялистами в тайные переговоры, желая подстраховаться на случай возможного поражения. И хотя в итоге реставрации не произошло, и республику сменила не возрождённая монархия, а Первая империя, исход борьбы между сторонниками Революции и её противниками отнюдь не был заранее предрешён, а победитель до самого конца оставался неизвестным.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях.

Монографии:

1. *Бовыкин Д.Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. М.: МГУ, 2005. (18,7 п.л.)
2. *Бовыкин Д.Ю.* Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2016. (45 п.л.)

Работы, опубликованные автором в перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК РФ:

3. *Бовыкин Д.Ю.* Людовик XVII: жизнь и легенда // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 168–178. (1,5 п.л.)
4. *Бовыкин Д.Ю.* «Глас народа» и Конституция 1795 года // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1996. № 5. С. 59–70. (1 п.л.)
5. *Бовыкин Д.Ю.* Термидор, или Миф о конце Революции // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 149–161. (1,5 п.л.)
6. *Бовыкин Д.Ю.* Революционный террор во Франции XVIII века: новейшие интерпретации // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 144–149. (0,6 п.л.)
7. *Бовыкин Д.Ю.* Король умер?.. (посмертная судьба Людовика XVII) // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2004. М., 2005. С. 328–350. (1,4 п.л.)

8. *Бовыкин Д.Ю.* О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемические заметки) // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 48–73 (2,5 п.л.)

9. *Бовыкин Д.Ю.* Веронская декларация Людовика XVIII // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 118–129 (1,1 п.л.)

10. *Бовыкин Д.Ю.* Дискуссионные проблемы истории Французской революции // Преподавание истории в школе. 2013. № 10. С. 31–37. (0,8 п.л.)

11. *Бовыкин Д.Ю.* Парижское восстание 13 вандемьера IV года республики // Вопросы истории. 2014. № 11. С. 67–81 (1,2 п.л.)

12. *Бовыкин Д.Ю.* Двор графа Прованского накануне Французской революции XVIII века // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. № 4 (145). 2015. С. 134–142. (0,8 п.л.)

13. *Бовыкин Д.Ю.* Снова о Французской революции, или Некруглый юбилей // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2016. Т. 7. Выпуск 1 (45) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001347-0-1> (дата обращения: 21.04.2016). DOI: 10.18254/S0001347-0-1 (0,6 п.л.)

14. *Бовыкин Д.Ю.* «Я не переставал верить, что вот-вот разразится великая революция...». Граф Прованский в 1755—1789 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2016. Т. 7. Выпуск 1 (45) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001352-6-1> (дата обращения: 21.04.2016). DOI: 10.18254/S0001352-6-1 (2 п.л.)

15. *Бовыкин Д.Ю.* Людовик XVIII об обязанностях короля // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 2 (36). С. 45–49. (0,5 п.л.)

16. *Бовыкин Д.Ю.* Роялисты в Национальном Конвенте // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (151). С. 7–24. (1,2 п.л.)

17. *Бовыкин Д.Ю.* Людовик XVIII и роялистское повстанческое движение на западе Франции // Электронный научно-образовательный журнал

«История», 2016. Т. 7. Выпуск 1 (45) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001629-0-1> (дата обращения: 23.12.2016). DOI: 10.18254/S0001629-0-1 (0,7 п.л.)

18. *Бовыкин Д.Ю.* Эволюция политических взглядов Людовика XVIII в годы Французской революции // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 98–111. (1 п.л.)

В других изданиях:

19. *Бовыкин Д.Ю.* Людовик XVII: жизнь после смерти // Мир генеалогии. М., 1997. С. 5–10. (0,4 п.л.)

20. *Vovukine D.* Les décrets de « deux tiers », l'ambition du pouvoir, ou une mesure indispensable // Le tournant de l'an III. Réaction et Terreur blanche dans la France révolutionnaire. 120e congrès national des sociétés historiques et scientifiques (Aix-en-Provence, 23–29 octobre 1995). Aix-en-Provence, 1997. P. 43–53. (0,8 п.л.)

21. *Vovukine D.* Le pouvoir exécutif dans la constitution de l'an III // Mélanges Michelle Vovelle. Volume de l'Institut d'Histoire de la Révolution Française. Sur la Révolution. Approches plurielles. Paris, Société des Études Robespierriennes, 1997. P. 291–297. (0,5 п.л.)

22. *Бовыкин Д.Ю.* «Ни короля, ни анархии». Исполнительная власть в Конституции III года Республики // Исторические этюды о французской революции. Памяти В.М. Далина. М., ИВИ РАН, 1998. С. 201–218. (1 п.л.)

23. *Vovukine D.* La Commission des Onze devant l'opinion publique // La République directoriale. Actes du colloque de Clermont-Ferrand (22, 23 et 24 mai 1997). Clermont-Ferrand, Société des Études Robespierriennes, 1998. Т. 1. P. 193–205. (0,6 п.л.)

24. *Бовыкин Д.Ю.* Термидор: старые проблемы и новые споры // Французский ежегодник. 2000. М., 2000. С. 88–102 (1 п.л.)

25. *Бовыкин Д.Ю.* «Отцы нации»: создатели Конституции III года Республики // Французский ежегодник. 2001. М., 2001. С. 216–246. (1,9 п.л.)

26. *Бовыкин Д.Ю.* Либеральные ценности и опыт революции // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001. С. 58–79. (1,4 п.л.)
27. *Бовыкин Д.Ю.* Смерть Людовика XVII (архив герцога де ля Фара) // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2001. С. 121–125. (0,4 п.л.)
28. *Бовыкин Д.Ю.* Референдум и выборы 1795 года во Франции глазами современников // Актуальные проблемы всеобщей истории. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 1. С. 95–114. (1,1 п.л.)
29. *Бовыкин Д.Ю.* «Разум и воображение республики»: законодательная власть в Конституции 1795 года // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Брянск, 2002. Вып. 11. С. 43–62. (1,4 п.л.)
30. *Бовыкин Д.Ю.* Признание Людовика XVIII (взгляд из России) // Россия и Франция XVIII-XX века. М., 2003. Вып. 5. С. 56–77. (1,5 п.л.)
31. *Вовыкин Д.* L'avènement de Louis XVIII vu de Russie // Les Historiens russes et la Révolution française après le Communisme. Paris, 2003. P. 135–151. (1,3 п.л.)
32. *Бовыкин Д.Ю.* Год 1795: несостоявшаяся реставрация // Французский ежегодник. 2003. М., 2003. С. 34–74 (2,5 п.л.).
33. *Бовыкин Д.Ю.* Религия и церковь в политических проектах Людовика XVIII и его окружения (1795-1799) // Французский ежегодник. 2004. М., 2004. С. 207–229 (1,6 п.л.).
34. *Бовыкин Д.Ю.* Идея нации во Франции в эпоху от Революции до Второй Империи // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. М., 2005. С. 158–230 (4,4 п.л.)
35. *Бовыкин Д.Ю.* «Я думаю по-иному...» Людовик XVIII и конституционные монархисты (1795-1799) // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 101–113. (1,2 п.л.)
36. *Бовыкин Д.Ю.* «Ничего не забыли и многому научились...»: проекты реставрации монархии в 1799 г. // Французский ежегодник. 2005. М., 2005. С. 223–258. (2,4 п.л.)

37. *Бовыкин Д.Ю.* Эмигрантский корпус Конде на русской службе. Письмо Павла I принцу Конде (3 августа 1797 г.) // Россия и Франция XVIII-XX века. М., 2006. Вып. 7. С. 77–86. (0,6 п.л.)
38. *Бовыкин Д.Ю.* 13 вандемьера: кто виноват? // Французский ежегодник. 2006. М., 2006. С. 80–129. (3 п.л.)
39. *Бовыкин Д.Ю.* Накануне 18 фрюктидора (анатомия одного государственного переворота) // Французский ежегодник. 2009. М., 2009. С. 83–118. (2 п.л.)
40. *Бовыкин Д.Ю.* Бездетный «отец народа» // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. СПб., 2010. С. 363–379. (0,9 п.л.)
41. *Бовыкин Д.Ю.* Подготовка Веронской декларации 1795 года (история одного просчёта) // Всеобщая история. Современные исследования. Брянск, 2012. Вып. 21. С. 63–78. (1,1 п.л.)
42. *Бовыкин Д.Ю.* Революция и контрреволюция // Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке. М., 2013. С. 678–693. (1,3 п.л.)
43. *Бовыкин Д.Ю.* Повесть о том, как генерал Гош отправился в Ирландию, а оказался в Париже // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2010-2013 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 10. М., 2015. С. 151–186. (2,5 а.л.)
44. *Бовыкин Д.Ю.* «Иди, сын Генриха IV, и будь его достоин...» // Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М., 2016. С. 311–318. (0,5 п.л.)